

ДОЛИНА

О нен нонтлакат,
О нен нонкизато,
Йе никан ин тлалтикпак:
Нинотолиния,
Ин манел нонквиз,
Ин манел нонтлакат,
Йе никан ин тлалтикпак.

Напрасно был я рожден,
Напрасно написан закон,
Управляющий этой землей:
Здесь я страдалец,
Однако не зря
Человек на земле рожден.

Ацтекская песня

Глава 1

Чимал бежал, охваченный паникой. Луна все еще была скрыта за ограничивающими долину с востока утесами, но ее свет уже посеребрил их вершины. Как только луна подыметесь выше гор, его станет видно так же отчетливо, как бывает видно священную пирамиду посреди полей со всходами маиса. Почему он не подумал об этом? Что заставило его так рисковать? Дыхание со свистом вырывалось из его горла, сердце колотилось. Даже яркие воспоминания об объятиях Квиау не могли вытеснить всепожирающий страх — зачем только он это сделал!

Если бы ему удалось добраться до реки! Она ведь уже совсем близко! Плетеные сандалии Чимала вязли в сухой земле, но каждый шаг приближал его к воде — и к спасению.

Отдаленное свистящее шипение нарушило тишину ночи, и ноги Чимала подкосились — он рухнул на

землю, скованный ужасом. Это Коатлики, богиня со змеиными головами! Он погиб! Погиб!

Лежа среди стеблей убранный маиса — они были высотой всего по колено и не могли его укрыть, — Чимал попытался привести мысли в порядок и прошептать предсмертную молитву, ибо пришло время умереть. Он нарушил закон и поплатится за это жизнью: человек не может скрыться от богов.

Шипение теперь было громче, оно как нож вонзалось в его мозг, не давая сосредоточиться. Но он должен! Усилием воли Чимал заставил себя прошептать первые слова молитвы. Луна вышла из-за горной гряды, сияющая, почти полная, и залила долину серебряным светом. Теперь каждый кукурузный стебель, каждая неровность почвы отбрасывала чернильно-черную тень. Чимал оглянулся и ужаснулся: его глубоко отпечатавшиеся между бороздами следы были видны отчетливо, словно проторенная дорога к храму. О Квиау! Боги тебя найдут!

Он виновен, и нет ему спасения. Табу нарушено, и Коатлики Ужасная идет за ним. Но виноват он один! Это он навязал свою любовь Квиау — именно так. Ведь она же противилась! В древних книгах написано, что боги справедливы: если они не найдут доказательств ее вины, они принесут в жертву его одного, а Квиау оставят жить. Ноги Чимала не слушались, но он заставил себя подняться и побежать обратно к деревне Квилапа — той самой, откуда он еще недавно пытался скрыться, — прокладывая след уже в стороне от предательской цепочки отпечатков, ведущих к дому Квиау.

Страх гнал его дальше и дальше, хотя он и знал, что спасение невозможно: каждый раз, когда шипение вспарывало воздух, оно было все ближе. Внезапно большая тень поглотила его собственную, бежав-

шую впереди, и Чимал упал. Ужас парализовал его, и только с трудом удалось ему заставить непослушные мускулы повернуть голову, чтобы видеть то, что его преследовало.

— Коатлики!

Отчаянный вопль опустошил его легкие.

Она стояла над ним, вдвое выше любого человека, обе ее змеиные головы вытянулись вперед, в красных глазах тлел адский огонь, раздвоенные жвала мелькали в приоткрытых пастьях. Коатлики обошла Чимала, и лунный свет озарил ее ожерелье из человеческих рук и сердец и юбку из извивающихся змей. Это живое одеяние шевелилось и отвечало шипением на шипение голов-близнецов. Чимал лежал неподвижно: чувства притупились и достигли предела, за которым страха уже не было и смерть стала просто неизбежностью, — лежал распластавшись, как жертва на алтаре.

Богиня наклонилась над ним, и теперь Чимал видел, что она действительно такова, какой изображали ее каменные изваяния в храме, — вселяющая ужас и лишенная чего-либо человеческого, с клешнями вместо рук. Огромные, длиной с предплечье взрослого мужчины, плоские клешни — совсем не похожие на клешни скорпионов или речных раков. И теперь они жадно раскрылись, нацеленные на него. Раздался хруст костей. Еще две руки прибавятся к ожерелью богини.

— Я нарушил закон, ушел из своей деревни ночью и пересек реку. Я умру. — Шепот Чимала стал громче, когда он начал читать предсмертную молитву в тени ожидающей богини:

*Я ухожу,
Спускаюсь во тьму подземного мира.
Там мы встретимся скоро.
Здесь, на земле, наша встреча мимолетна.*

Когда молитва кончилась, Коатлики наклонилась еще ниже, протянула клешни над своим извивающимся змеиным одеянием и вырвала еще быющее сердце Чимала.

Глава 2

Рядом с Квиау в маленьком глиняном горшке, заботливо отодвинутом в тень за хижинкой, чтобы не завял, зеленел побег квиауксочитля, дождевого цветка, имя которого она носила. Склонившись над каменной ступой и растирая в ней зерна маиса, Квиау шептала молитву, обращенную к богине цветка, прося ее защиты от богов тьмы. Сегодня они подступили так близко, что Квиау едва могла дышать, и только многолетняя привычка помогала ей двигать пест по каменной поверхности. Сегодня шестнадцатая годовщина того дня — дня, когда на берегу реки нашли тело Чимала, растерзанного мстительной Коатлики. Всего через два дня после праздника урожая. Почему Коатлики ее пощадил? Ведь она должна была знать, что Квиау, как и Чимал, нарушила табу. С тех пор в этот день Квиау каждый раз дрожала от страха, но смерть не приходила за ней. Пока.

Нынешний год страшнее всех предыдущих: сегодня ее сына увели в храм на суд. Несчастье должно случиться именно теперь. Боги ждали все эти годы, ждали этого дня, хотя и знали с самого начала, что ее сын Чимал — сын Чимала-Попоки из Заачилы, того, кто нарушил табу. Стон рождался в груди Квиау с каждым вдохом, но руки продолжали ритмично двигать жернов.

Тень горной гряды уже легла на ее хижину, и тортильи пеклись на кумале над огнем, когда Квиау ус-

лышала медленные шаги. Весь день соседи избегали ее. Квиау не обернулась. Сейчас ей сообщат, что ее сын принесен в жертву, мертв. Жрецы пришли за ней: в храме ее ждет расплата за грех, совершенный шестнадцать лет назад.

— Мама, — сказал мальчик.

Квиау увидела, как он обессиленно прислонился к стене и там, где ее коснулась его рука, осталась красная отметина.

— Ложись скорее. — Квиау поспешно вынесла из хижины петлатль и расстелила соломенную циновку снаружи, где было еще светло. Он жив, они оба живы, жрецы просто избили его! Она стояла, стиснув руки, и в душе ее росло ликование. Мальчик лег на циновку лицом вниз, и она увидела рубцы от ударов, покрывавшие его спину так же, как и руки. Он лежал спокойно, глядя на горы, окружающие долину, и Квиау, смешав настой целебных трав с водой, принялась промывать кровавые рубцы, вспухшие на теле сына. Мальчик слегка поежился от ее прикосновения, но ничего не сказал.

— Можешь ты рассказать своей матери, что случилось? — спросила Квиау, глядя на неподвижный профиль сына и пытаясь прочесть на его лице хоть что-нибудь.

Как всегда, она не знала, о чем он думает. Так было со времен его младенчества. Мысли сына были ей недоступны, они будто говорили на разных языках. Должно быть, это часть наказания: нарушивший табу должен страдать.

— Это была ошибка.

— Жрецы не ошибаются и не бьют мальчиков незаслуженно.

— На этот раз они ошиблись. Я взбирался на скалу...

— Тогда они правы, побив тебя: взбираться на скалу запрещено.

— Нет, мама, — терпеливо объяснил мальчик, — это не запрещено, нельзя только влезать на скалы, чтобы уйти из долины, — таков закон, как учит Тецатлипока. Разрешено влезать на высоту в три человеческих роста за птичьими яйцами или с другими важными целями. Я лез за яйцами, и всего на два человеческих роста. Закон это разрешает.

— Но... Если закон это разрешает, то почему тебя побили?

Квиау сидела, поджав ноги, и сосредоточенно хмурилась.

— Они не помнили как следует закон и не соглашались со мной, так что пришлось смотреть по книге, а на это ушло много времени, и, когда они убедились, что я прав, а они ошибаются, — мальчик холодно, совсем не по-мальчишески улыбнулся, — они меня высекли за то, что я спорил со жрецами и ставил себя выше их.

— Ты заслужил порку. — Квиау поднялась и налила воды из кувшина, чтобы вымыть руки. — Нужно знать свое место. Ты не должен спорить со жрецами.

Сколько Чимал себя помнил, ему всегда говорили это; он давно уже понял, что в ответ лучше всего молчать. Даже когда он очень старался объяснить матери, что думает и чувствует, она никогда его не понимала. Уж лучше держать мысли при себе.

Особенно теперь, когда он солгал. Он действительно пытался влезть на скалу. Птичьи яйца были только предлогом — на случай, если его увидят.

— Поешь, — сказала Квиау, кладя перед сыном его вечернюю порцию еды — две тортильи, плоские сухие лепешки в фут шириной. — Пока ты их ешь, я приготовлю атолли.

Чимал посыпал тортильи солью и, оторвав кусок, стал медленно жевать, глядя сквозь открытую дверь хижины на мать. Квиау, склонившись над очагом, помещивала варево в горшке. Она была спокойна, все страхи остались в прошлом и забыты, морщинки на ее типично ацтекском лице разгладились. Отблески огня играли на ее золотистых волосах и отражались в голубых глазах. Чимал ощутил свою близость с матерью: в этой хижине они жили вдвоем с тех пор, как умер его отец — Чимал был тогда еще совсем маленьким. В то же время он чувствовал, как они далеки друг от друга — он никогда не мог ей объяснить, что его волнует.

Он сел и стал есть атолли, которую принесла ему мать, подцепляя кашу из миски кусочком тортильи. Атолли, густая и сытная, восхитительно пахла медом и перцем. Спина и руки болели теперь меньше, кровь перестала сочиться из рассеченной розгой кожи. Чимал напился холодной воды из кувшина и глянул на темнеющее небо. Над утесами, окружавшими долину с запада, пламенел закат, и черные силуэты зопило-тов-стервятников мелькали на фоне золотого неба. Мальчик смотрел на них, пока свет не померк и птицы не отправились на ночлег. Именно там, в западной части долины, он и пытался вскарабкаться на скалы — из-за птиц.

Появились звезды, яркие и сверкающие на темном небе. Знакомые шорохи, доносившиеся из хижины, где Квиау стелила петлатль на лежанке, прекратились, и мать окликнула Чимала:

— Время спать.

— Я немного побуду здесь, холодный воздух на пользу моей спине.

В голосе Квиау появилось беспокойство:

— Не следует спать снаружи, все всегда спят в доме.

— Ну еще немного, меня здесь никто не увидит, а потом я уйду в дом.

Квиау ничего не ответила, и Чимал, лежа на боку, продолжал смотреть на звезды, совершающие свой путь по небу. В деревне было тихо, все спали. Чимала одолела бессонница, и его мысли снова вернулись к стервятникам.

Он вспомнил все детали своего плана, одну за другой, и не нашел в них изъяна. Точнее, изъян был один-единственный: случай привел жреца к скалам, и тот увидел Чимала. В остальном план превосходен, даже закон, разрешавший влезать на скалы, был именно таким, как он его помнил. И стервятники действительно слетались в одно и то же место на скалах. Сколько Чимал себя помнил, это всегда его интересовало: он хотел узнать причину. Его беспокоило и раздражало, что она ему неизвестна. Поэтому-то в конце концов он и придумал свой план. Разве стервятники не были тотемом его клана? Он имел право знать о них все. А в деревне никто, кроме него, такими вещами не интересовался. Чимал многим задавал вопросы, но обычно не получал ответа — взрослые просто отталкивали его, если он пытался настаивать. А когда его все же удостаивали вниманием, то пожимали плечами, смеялись и говорили, что таковы уж стервятники, и тут же забывали о разговоре. Никому до них нет дела: ни детям — особенно детям! — ни взрослым, ни даже жрецам. А Чимал хотел знать.

Его интересовали и другие вещи, но он уже много лет назад перестал о них спрашивать. Он понял, что только сердит взрослых — кроме тех случаев, когда на его вопросы находились простые и всем известные ответы или когда их можно было прочесть в священных книгах жрецов. На него начинали кричать и могли даже ударить, хотя вообще детей били редко, и

вскоре Чимал понял, в чем причина: они не знали от-ветов. Так что ему пришлось все узнавать самому — как, например, про стервятников.

Стервятники будоражили его любопытство; хотя о них многое было известно, существовало одно обстоятельство, о котором не знал никто, да никто и не задумывался. Все знают, что стервятники питаются падалью. Чимал сам видел, как они рвут останки броненосцев и мелких птиц; они устраивают гнезда в песке и там выводят своих неопрятных птенцов. Вот и все, больше о них и нечего знать. Но все-таки — почему они всегда летят к одному и тому же месту в скалах? Чимал злился на свое незнание, на односельчан, которым лень поинтересоваться этим или хотя бы выслушать его; недавние побои только усилили его злость. Он не мог спать и даже оставаться в неподвижности. Чимал встал с циновки, невидимый в темноте, сжимая и разжимая кулаки. Почти против собственной воли он бесшумно двинулся прочь от дома, мимо спящих хижин деревни Квилапа.

Пусть люди не ходят по ночам, это не табу — просто так делать не принято. Чимала это не смущало, он чувствовал полную уверенность в себе. Дойдя до полосы голой пустыни, отделяющей утесы от деревни, он остановился. Взгляд на темный барьер скал заставил его поежиться. Стоит ли рисковать идти туда ночью? Посмеет ли он сейчас сделать то, что ему помешали осуществить днем? Его ноги сами ответили на этот вопрос — они понесли его вперед. Взобраться будет легко: он еще днем приметил расщелину, идущую почти до самого карниза, на котором обычно сидели стервятники.

Москит больно укусил в ногу, когда, свернув с тропы, Чимал стал пробираться через заросли высоких кактусов. Добравшись до поля, где рос магу, Чи-

мал почувствовал, что идти стало легче: теперь он шел между ровных рядов растений, которые вели прямо к подножию скал.

Только дойдя до утесов, Чимал признался себе, до чего же ему страшно. Он внимательно осмотрелся, но поблизости никого не было, за ним никто не следил. Ночной воздух охлаждал его тело — Чимала пробрала дрожь; спина и руки все еще болели. Если его увидят теперь, его ожидают куда худшие беды, чем просто побои. Он снова поежился и обхватил себя руками, чтобы согреться; ему было стыдно за собственную слабость. Быстро, прежде чем страх заставит его найти оправдание отступлению, Чимал подпрыгнул и, ухватившись за горизонтальный выступ, подтянулся на руках.

Начав подъем, Чимал почувствовал облегчение — внимание нужно было сосредоточить на том, чтобы найти опору для рук и ног, и времени на размышления не оставалось. Он миновал гнездо — объект своего утреннего набега — и ощутил приступ малодушия. Теперь он наверняка поднялся выше, чем на три человеческих роста. Но ведь он же не собирается добраться до вершины скалы и покинуть долину — так что все же нельзя сказать, что он нарушает закон... Камень, за который ухватились его пальцы, покачнулся, Чимал чуть не сорвался, и испуг заглушил прочие страхи — его руки судорожно искали новую опору. Подъем продолжался.

Добравшись почти до самого карниза, Чимал остановился передохнуть, упершись пальцами ног в трещину в скале. Уступ нависал над ним, и, казалось, пути дальше нет. Чимал внимательно оглядывал камень, чернеющий на фоне звездного неба; взгляд его скользнул по лежащей у его ног долине. Чимал содрогнулся и плотнее прижался к скале — он и не пред-

ставлял себе, насколько высоко забрался. Далеко внизу были видны его родная деревня Квилапа и глубокий овраг, по которому протекала река. Он мог различить даже другую деревню — Заачилу — и дальнюю горную гряду. Ночью река была табу — ее охраняла Коатлики, и одного взгляда на ее змеиные головы было бы достаточно, чтобы убить человека и погрузить его во мрак подземного мира. Чимала передернуло, и он поспешно обратил лицо к скале. Неподатливость камня, холодный ночной воздух, пустота и одиночество тяжелым грузом давили на душу.

Чимал не знал, сколько времени так провисел, — наверняка долго: пальцы ног, которыми он упирался в трещину, совсем онемели. Все, чего он теперь хотел, — это благополучно спуститься на землю, столь недоступно далекую, и только тлеющее пламя злости поддерживало его решимость довести дело до конца. Он начнет спускаться, но сначала выяснит, как далеко тянется этот нависающий над ним уступ. Если пути наверх нет, ему придется вернуться — и уж тогда ему не в чем будет себя упрекнуть: он сделал все возможное, чтобы взобраться на карниз. Обогнув выступ скалы, Чимал увидел, что нависающая часть утеса тянется и дальше, но в одном месте в ней есть углубление. Когда-то давно его, должно быть, пробил сорвавшийся сверху камень. Путь наверх был. Цепляясь за малейшие неровности, Чимал подтянулся, и его голова поднялась над карнизом.

Что-то черное налетело на него, ударило по голове, обдав запахом гнили и тления. Слепой ужас заставил его руки вцепиться в скалу. Затем сгусток тьмы сместился, и огромный стервятник неуклюже взлетел с карниза. Чимал громко рассмеялся от облегчения. Здесь нечего бояться, он достиг своей цели и просто спугнул устроившуюся на ночлег птицу — вот и все.

Чимал подтянулся выше и влез на карниз. Скоро подымется луна, ее сияние уже посеребрило дальнюю гряду облаков и затмило звезды на краю неба. Уступ стал отчетливо виден — других стервятников на нем не оказалось, только камень вокруг сплошь был покрыт их пометом. Ничего особенно интересного — кроме чернеющего в скале входа в пещеру. Чимал добрался к отверстию, но непроницаемая тьма внутри не позволяла ничего разглядеть. Он остановился у входа, не в силах заставить себя шагнуть внутрь. Что там может быть? Теперь уже недолго ждать, пока взойдет луна. Может быть, тогда он что-нибудь увидит. Лучше не спешить.

Здесь, наверну, где гулял ветер, было холодно, но Чимал не замечал этого. Небо светлело с каждой минутой, темнота в пещере отступала все дальше. Когда наконец лунный свет озарил всю пещеру, Чимал почувствовал себя обманутым. Смотреть не на что. Это даже и не пещера — так, просто выемка в скале глубиной не больше чем в два человеческих роста. Сплошной камень стен и пола, усыпанного обломками. Чимал пнул ногой ближайший, и тот перевернулся с каким-то странным шлепком. Это был не камень — но что? Чимал нагнулся и ощупал находку. Пальцы подсказали ему ответ, и в тот же момент он ощутил знакомый запах.

Мясо.

Чимал в ужасе отшатнулся, едва не свалившись с уступа, и остановился на самом краю, дрожа и снова и снова вытирая руки о камень скалы.

Мясо. Плоть. Он действительно коснулся его — огромного куска не меньше двух футов в длину и толщиной с его предплечье. Чималу случалось есть мясо на пиршествах, и он видел, как мать его готовит. Рыбу, или мелких птичек, пойманных сетью, или — са-

мое вкусное блюдо — сладкое белое мясо гвайолота, дикой индейки. Его жарили кусочками и ели с бобами или тортильями. Но насколько велик самый большой кусок мяса от самой большой птицы? Есть только одно существо, куски плоти которого могут быть так велики... Человек.

Удивительно, как Чимал не разбился насмерть, спускаясь с карниза. Но его руки и ноги сами отскакивали опору, и он понемногу находил дорогу вниз. Он не запомнил спуск. Поток его мыслей разбивался на отдельные фрагменты, как струя воды на капли, когда он пытался вспомнить увиденное. Мясо, люди, жертвенные приношения — должно быть, это бог-зоопилот кормит здесь своих стервятников. Он сам это видел. Не окажется ли он следующей жертвой, предназначенной для пропитания хищников? К моменту, когда Чимал достиг подножия скалы, его тело сотрясала такая дрожь, что он упал и долго не мог встать; потом он заставил себя подняться с песка и побрел обратно в деревню. Физическое изнеможение отчасти заслонило собой ужас увиденного, и Чимал начал осознавать, какой опасности подвергается, если его увидят теперь, когда он идет от скал. Он осторожно пробирался между бурными хижинами с темными окнами-глазами, пока не достиг безопасности собственного дома. Его петлатль так и лежал там, где он его оставил; казалось невероятным, что за целую вечность, пока он отсутствовал, ничего не изменилось. Чимал поднял петлатль и потащил его внутрь хижины. Расстелив циновку у прогоревшего, но еще теплого очага, он натянул на себя одеяло и провалился в сон — надежное убежище от реального мира, который стал для него страшнее любого кошмара.

Глава 3

Число месяцев равно восемнадцати. Восемнадцать месяцев составляют год. Третий месяц — Тозозтонтли, это время сеять маис. Нужно молиться и соблюдать пост, чтобы выпали дожди, тогда к седьмому месяцу маис созреет. С наступлением восьмого месяца нужно молиться, чтобы отворотить дождь, который не даст созреть урожаю.

Бог дождя Тлалок в этом году не был милостив. Он всегда отличался суровостью, может быть, и небезосновательно: люди так часто надоедали ему просьбами. В весенние месяцы молодой маис отчаянно нуждается в дождях, потом, наоборот, чистое небо и яркое солнце необходимы ему, чтобы вызреть. Как бы то ни было, часто случались годы, когда Тлалок не приносил дождей вовремя или низвергал чересчур обильные ливни, тогда урожай бывал невелик и люди голодали.

Теперь Тлалок и вовсе не хотел их слушать. Солнце сияло на безоблачном небе, один жаркий день сменялся другим. Маису нужна была вода; крохотные росточки, с трудом пробившиеся сквозь затвердевшую, растрескавшуюся почву, казались серыми и изможденными; они были куда ниже, чем должны были бы быть к этому времени. И вот почти вся деревня Квилапа высыпала на поле, крестьяне топали ногами и стонали, вторя молитвам жреца. Поднятое ими облако пыли висело в душном воздухе.

Чималу нелегко было заставить себя плакать. У всех собравшихся по щекам текли слезы, оставляя бороздки на покрытых пылью лицах: слезы должны

тронуть сердце бога, тогда и его слезы дождем прольются на землю. Пока Чимал был ребенком, ему не приходилось участвовать в подобных церемониях, но теперь ему минул двадцатый год, он стал взрослым и должен разделять с другими взрослыми их обязанности, их ответственность. Ноги Чимала с трудом месили пыль; он подумал о грядущем голоде, о боли в животе, но вместо рыданий эта мысль вызвала лишь раздражение. Когда, чтобы вызвать слезы, он тер глаза, они только болели и воспалялись. В конце концов Чимал украдкой послюнявил палец и нарисовал полоски на пыльном лице.

Конечно, у женщин это всегда получается гораздо лучше: они с воплями рвут на себе волосы, превращая аккуратно заплетенные косы в растрепанные космы, падающие на плечи. Когда же поток их слез иссякает и они перестают рыдать, мужчины бьют их мешками, наполненными соломой.

Чей-то теплый и мягкий бок прижался к Чималу. Он отодвинулся между рядами маиса, но вскоре прикосновение повторилось. Это оказалась Малиньче, девушка с круглым лицом, круглыми глазами, округлой фигурой. Она таращилась на Чимала, не переставая при этом плакать. Ее рот был так широко открыт, что Чимал видел дырку на месте одного из верхних зубов — она сломала его о камешек в бобах еще ребенком. Слезы ручьем текли из ее глаз, нос был мокрый — в доказательство ее сильных переживаний. Малиньче была еще почти ребенком, хотя, перейдя рубеж шестнадцатилетия, и считалась женщиной.

С внезапным ожесточением Чимал принялся бить ее мешком по плечам и спине. Она не отошла, казалось, она вообще не замечает ударов; ее наполненные слезами глаза, бледно-голубые и пустые, как зимнее небо, по-прежнему были устремлены на Чимала.

Между соседними рядами маиса прошествовал старый Ататотль, неся жрецу откормленную собаку. Это была его привилегия как касика, вождя деревни Квилапа. Чимал присоединился к толпе, следовавшей за жрецом. На краю поля их ждал Ситлаллатонак в своем устрашающем черном одеянии, запятнанном кровью, с волочащимся по пыли подолом, расшитым черепами и костями. Ататотль подошел к жрецу и простер руки; двое старцев склонились над вырывавшимся щенком. Тот смотрел на людей, высунув язык и часто дыша от жары. Ситлаллатонак — это была его обязанность как верховного жреца — вонзил черный обсидиановый нож в грудь маленького животного. С профессиональной сноровкой он вырвал еще бьющееся сердце и высоко поднял его — жертву Тлалоку, — оросив стебли маиса свежей кровью.

Все возможное было сделано. Но безоблачное небо по-прежнему раскаленной чашей висело над землей. Опечаленные жители Квилапы по одному, по двое побрели обратно в деревню. Чимал, шедший, как всегда, один, не удивился, обнаружив рядом с собой Малиньче. Ее ноги тяжело переступали в пыли, однако долго хранить молчание она не могла.

— Теперь дожди придут. — В ее голосе звучала непоколебимая уверенность. — Мы плакали и молились, а жрец принес жертву.

«Мы всегда плачем и молимся, — подумал Чимал, — а дожди когда выпадают, а когда и нет. Зато жрецы сегодня вечером будут пировать в храме — им досталась отличная жирная собака». Вслух он произнес:

— Дожди придут.

— Мне уже шестнадцать, — произнесла Малиньче и, не дождавшись ответа, продолжала: — Я хорошо готовлю тортильи, и я сильная. Однажды у нас не бы-

ло закваски, маис был не очищен, и не было даже со-ка лайма, чтобы сделать закваску для теста, и моя мать сказала...

Чимал не слушал. Он ушел в свои мысли и почти не слышал голоса Малиньче, как и шума ветра. Они вместе дошли до деревни. Что-то перемещалось в небе... Из солнечного сияния выплыл стервятник и скользнул к серой стене западных скал. Чимал проводил глазами зопилота до уступа в скалах... Он еще продолжал следить взглядом за парящей птицей, но постарался не думать о ней. И птицы, и уступ — это все неважно, они ничего для него не значат. Думать сейчас о некоторых вещах невыносимо.

Его лицо оставалось суровым и бесстрастным, однако за неподвижностью его черт скрывалось закипающее раздражение. Можно заставить себя забыть и о стервятниках, и о ночном подъеме на утес, но только не под нудный голос Малиньче.

— Я люблю тортильи, — буркнул Чимал, заметив, что Малиньче умолкла.

— Больше всего я люблю их есть так... — снова затянула девушка, ободренная проявлением его интереса, и Чимал опять перестал обращать на нее внимание. Но крохотная заноза раздражения осталась в его мозгу, даже когда, резко повернувшись, он вошел в свою хижину, оставив Малиньче снаружи. Склонившись над метатлом, его мать молола маис для вечерней еды: на ее приготовление, как всегда, уйдет два часа. И еще два часа, чтобы намолоть зерно к завтраку. Такова женская работа. Квиау взглянула на Чимала и кивнула ему, не прерывая ритмичных движений.

— Я вижу там Малиньче. Она славная девушка и работающая.

Через незавешенный дверной проем им была видна Малиньче, твердо стоящая на земле широко рас-

ставленными босыми ногами, с выпирающими из-под накидки большими круглыми грудями, с опущенными вдоль тела руками, как будто в ожидании чего-то. Чимал отвернулся и, опустившись на циновку, стал пить холодную воду из кувшина.

— Тебе уже почти двадцать один, сын мой, — с раздражающей невозмутимостью произнесла Квиау, — и ты должен выполнить свой долг перед кланом.

Чималу все это было известно, но у него не было ни малейшего желания подчиниться обычаям. В двадцать один год юноша должен жениться, а девушка в шестнадцать — выйти замуж. Женщине нужен мужчина, который будет добывать для нее пищу; мужчине необходима женщина, которая будет готовить еду. Вожди кланов решают, кто на ком должен жениться, чтобы этот союз принес клану наибольшую пользу, и посылают сваху.

— Пойду, может, удастся поймать рыбы, — сказал вдруг Чимал и взял из ниши в стене свой нож.

Мать промолчала, ее низко опущенная голова покачивалась в такт работе. Малиньче ушла, и Чимал быстро прошел между хижинами к тропинке, уходящей, петляя между кактусами и скалами, к южному концу долины. Было по-прежнему очень жарко; когда дорожка привела его к краю оврага, стала видна река внизу, превратившаяся от засухи в лениво текущий ручеек. И все же это была вода, и от нее, казалось, тянуло прохладой. Чимал заторопился к пыльной зелени деревьев — за ними почти вертикальные каменные стены смыкались, ограничивая долину. Здесь, в тени, было не так жарко. Чимал заметил упавшее дерево — его не было, когда он был здесь в последний раз. Можно будет принести домой дров.

Он дошел до небольшого озера в скалах. Его взгляд скользнул к водопаду, тонкой струйкой низвергавше-

муся с высоты. Журчащий поток впадал в озеро, сильно обмелевшее и окруженное широкой полосой грязи, хотя, Чимал знал, в середине все еще глубокое. Здесь должна быть рыба, крупная вкусная рыба; она прячется под камнями у берега. Он срезал длинную тонкую ветку и принялся мастерить острогу.

Лежа на животе на выступе скалы, нависающей над озером, Чимал вглядывался в прозрачные глубины. Он заметил серебристый отблеск — в тени мелькнула рыба, но слишком далеко. Воздух был горяч и сух, далекий стук дятла раздавался в тишине неестественно громко. Зопилоты — птицы. Они питаются любым мясом, в том числе человеческим, он сам это видел. Когда это было? Пять или шесть лет назад?

Как всегда, он попытался прогнать это воспоминание, но на сей раз не смог. Заноза раздражения, засевшая в нем еще на поле, не давала ему покоя, и с внезапной злостью Чимал ухватился за мысль о той ночи. Что же он все-таки видел? Куски мяса. Чьего? Может быть, кролика или броненосца? Нет, ему не удастся обмануть себя. Человек — единственное существо, куски плоти которого достаточно велики. Кто-то из богов — возможно, бог смерти Микстек — бросил их стервятникам, своим слугам, заботящимся об умерших. Чимал видел подарок бога и обратился в бегство — и ничего не случилось. С той ночи он молчаливо ожидал возмездия, а его все не было.

Куда ушли годы? Что стало с мальчиком, который вечно попадал в неприятности, который вечно задавал вопросы, на которые нет ответов? Острие раздражения вонзалось все глубже, и Чимал заерзал на скале, перекатился на спину и стал смотреть в небо; там, еле доступные взгляду, парили стервятники, как черные вестники судьбы. «Я был ребенком, — Чимал рассуждал уже почти вслух, впервые признаваясь себе в том,

что тогда произошло, — и я так испугался, что замкнулся в себе, создал защитную оболочку: так делают оболочку из глины для рыбы, прежде чем жарить ее на углях. Но почему это беспокоит меня сейчас?»

Он мгновенно поднялся, озираясь будто в поисках жертвы. Теперь он мужчина, и его не оставят в покое так легко, как когда он был ребенком. Ему придется взять на себя ответственность, делать новые для него вещи. Он должен жениться, построить дом, обзавестись семьей; он состарится и в конце концов...

— Нет! — рявкнул он изо всех сил и прыгнул со скалы.

Вода озера, питаемого тающими горными снегами, была холодна; она давила на Чимала все сильнее, по мере того как он погружался все глубже и глубже. Он не закрывал глаз: его окружили голубоватые тени, над ним играла бликами подернутая легкой рябью поверхность воды. Здесь был другой мир, и Чималу хотелось в нем остаться, не возвращаясь к унылой действительности суши. Он нырнул еще глубже, в ушах возникла боль, а руки погрузились в ил на дне озера. Да, он хотел бы остаться здесь, но его легкие жгло огнем, и руки самопроизвольно вынесли его на поверхность. Не дожидаясь его сознательной команды, рот его широко раскрылся, и он глубоко вдохнул живой воздух.

Чимал выбрался на берег, вода струйками стекала с его набедренной повязки и хлюпала в сандалиях; он смотрел на водопад, на окружающие скалы. Нет, остаться навсегда в подводном мире он не сможет. И тут во внезапной вспышке прозрения он осознал, что не сможет больше жить и в долине, своем родном мире. Если бы он был птицей и мог улететь отсюда! Когда-то выход из долины существовал — какие тогда, должно быть, были чудесные времена! Но землетрясе-

ние положило конец этому. Перед его внутренним взором предстало болото на противоположном конце длинной долины, доходящее до подножия чудовищной груды скал и валунов, закрывающей выход. Вода понемногу просачивалась сквозь камни, птицы могли перелетать через преграду, но для людей пути не было. Они заперты громадными нависающими скалами и тяготеющим над ними проклятием, которое, пожалуй, преодолеть еще труднее. Это проклятие Омейокана, бога, чье имя нельзя произносить вслух — только шепотом, чтобы он не услышал. Говорят, когда-то люди забыли богов, храм пришел в запустение, жертвенный алтарь высох. И тогда разгневанный Омейокан целый день и целую ночь тряс горы, пока они не обрушились и не завалили проход, связывавший долину с внешним миром, на пять раз по сто лет — тогда, если люди будут хорошо служить храму, выход откроется снова. Жрецы никогда не говорили о том, сколько времени уже прошло, да и какое это имело значение? Наказание не кончится при их жизни.

Что собой представляет внешний мир? Там есть горы, это он знал. Можно было видеть их далекие пики, которые зимой покрывал снег, оставшийся летом только на северных склонах. Больше ему ничего не было известно. Там должны быть деревни вроде его собственной, он был почти уверен в этом. Что еще? Жители тех мест должны знать вещи, неизвестные его соплеменникам, например где искать металл и как его получить. У обитателей долины еще сохранилось несколько драгоценных топоров и мачете, сделанных из блестящего материала, называемого железом. Они были мягче обсидиановых, но не ломались так легко, и их можно было точить снова и снова. А у жрецов хранилась шкатулка, сделанная из этого железа, украшенная сверкающими драгоценностями,

которую они показывали народу в дни особых празднеств.

Как бы он хотел увидеть мир, сотворивший все эти чудеса! Если бы ему только удалось вырваться отсюда! Если бы только существовал выход — даже боги не смогли бы остановить его. И все же, рассуждая так, Чимал съеживался и закрывал голову руками в ожидании неминуемого удара богов.

Боги остановят его. Коатлики настигнет и покарает — он сам видел ее безрукие жертвы.

Чимал вновь впал в оцепенение — что ж, это и к лучшему. Нельзя причинить боль тому, кто ничего не чувствует. Его нож лежал на скале там, где он его оставил. Чимал вспомнил о нем потому, что изготовление ножа стоило ему многих часов тяжелой работы: не так-то легко высечь из куска обсидиана подходящее лезвие. Но рыба, как и дрова, вылетела у него из головы; Чимал прошел мимо сухого дерева, даже не взглянув на него. Ноги сами привели на тропинку, и он в благословенной бесчувственности направился мимо деревьев обратно в деревню.

Дорожка шла вдоль русла обмелевшей реки, и на противоположном берегу были видны храм и школа. Какой-то мальчик — он был из другой деревни, Заачилы, и Чимал не знал его имени, — стоя на высоком берегу, махал ему и что-то кричал, приложив руки ко рту. Чимал остановился и прислушался.

— Храм... — донеслось до Чимала, потом что-то еще, похожее на «Тецатлипока». Чимал надеялся, что это ему показалось: имя владыки небес и земли, насылающего и излечивающего ужасные болезни, нельзя произносить всуе. Мальчик, поняв, что Чимал его не слышит, спустился с откоса и, разбрызгивая воду, пересек узкий поток, вскарабкался туда, где стоял Чи-

мал. Он совсем запыхался, но глаза его возбужденно сверкали.

— Попока — ты его знаешь? Паренек из нашей деревни... — Не дожидаясь ответа Чимала, мальчик продолжал, захлебываясь словами: — Ему было видение, он об этом рассказывал, жрецы услышали и позвали его в храм, и они говорят, что Тецатлипока... — как ни возбужден был мальчик, произнеся имя бога вслух, он запнулся, — ...вошел в него. Жрецы забрали Попоку в храм на пирамиде.

— Зачем? — спросил Чимал, хотя знал ответ.

— Ситлаллатонак освободит бога.

Они должны идти в храм — конечно, все должны присутствовать на столь важной церемонии. Чималу совсем не хотелось видеть то, что произойдет, но он и не пытался уклониться: быть там — его долг.

Войдя в деревню, Чимал оставил мальчика и направился к своей хижине, но мать, как и большинство односельчан, уже ушла. Чимал положил нож на место и направился по хорошо утоптанной тропе, ведущей к храму. Молчаливая тропа собралась у подножия пирамиды, но Чималу все было отлично видно и с его места позади собравшихся.

На уступе перед храмом находился резной каменный алтарь с просверленными в нем отверстиями, обильно покрытый за бесчисленные годы засохшей кровью. Попока покорно дал привязать себя к камню; чтобы он не мог двигаться, веревки были пропущены сквозь отверстия в алтаре. Один из жрецов встал над юношей. Приставив ко рту свернутый из листьев конус, он дунул через него. В то же мгновение словно белое облако окутало лицо Попоки. Йахтли, порошок из корня того растения, что усыпляет людей и делает их нечувствительными к боли. К тому времени, когда Ситлаллатонак появился у алтаря, младшие

жрецы уже обрили голову юноши — все было готово к началу обряда. Верховный жрец собственноручно вынес чашу с необходимыми инструментами. Дрожь пробежала по телу юноши, когда с его лба срезали кусок кожи, но он даже не вскрикнул. И ритуал начался.

Толпа всколыхнулась: вращающееся острие начало сверлить отверстие в черепе Попоки. Совсем того не желая, Чимал очутился в первом ряду. Отсюда все детали происходящего были видны с мучительной отчетливостью: верховный жрец просверлил несколько отверстий в черепе, соединил их — и снял освободившийся костный диск.

— Ты можешь выйти, Тецатлипока, — провозгласил верховный жрец; гробовое молчание воцарилось в толпе при упоминании ужасного имени.

— Теперь говори, Попока, — обратился жрец к юноше, — что ты видел?

С этими словами он вонзил нож в блестящую серую массу в зияющей ране. Ответом был тихий стон, и губы юноши зашевелились.

— Кактусы... на осыпи у скал... Я собирал их плоды, было уже поздно, а я еще не закончил... После захода солнца мне пришлось бы идти в деревню в темноте... Я повернулся и увидел...

— Выходи, Тецатлипока, дорога тебе открыта, — перебил Попоку верховный жрец, погружая нож еще глубже.

— УВИДЕЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ, ОН СНИЗОШЕЛ НА МЕНЯ ОТ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА!.. — закричал Попока, судорожно изгибаясь на алтаре, и затих.

— Тецатлипока вышел, — возвестил жрец, кидая инструменты в чашу, — и юноша свободен.

И мертв, подумал Чимал, отворачиваясь.

Содержание

ПЛЕНЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Перевод с английского А. Александровой 5

ПОДВИНЬТЕСЬ! ПОДВИНЬТЕСЬ!

Перевод с английского П. Жукова, С. Хранова 217